
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 008(091)

А. Б. Соколов**Ярославский историк Зиновий Рогинский (1912–1965)**

В статье рассматривается жизненный путь и научное наследие историка, доцента Зиновия Иосифовича Рогинского, работавшего на кафедре всеобщей истории Ярославского государственного педагогического института в 1946–1962 гг. Рогинский – представитель поколения историков, начавшего научную деятельность во второй половине 1930–1940-х гг. Начал карьеру как рабочий в Днепропетровске, по направлению комсомола обучался в Московском институте философии, литературы, истории, затем в аспирантуре под руководством будущего академика Е. А. Косминского на кафедре истории Средних веков МГУ. Воевал на фронте как агитатор и политрук с 1941 г. до конца войны. Защитил диссертацию в 1947 г. В 1954–59 гг. являлся деканом факультета иностранных языков. Рогинский оставил заметный след в изучении англо-русских отношений в период Английской революции, опубликовав ряд документов и важных статей, но не завершил докторской диссертации. Марксист и пропагандист, в научной деятельности он продолжал традиции русской позитивистской историографии, придавая главное значение источникам и фактам. Статья написана в жанре новой интеллектуальной истории, в ней прослеживается влияние контекста времени, пути сохранения научной традиции, отношения патронажа и клиентуры в среде историков, средства профессиональной коммуникации, соотношение «тоталитарного сознания» и научного творчества. Рогинский умер в Рязани в 1965 г.

Ключевые слова: Зиновий Рогинский, советская историография, МГУ, ЯГПИ, англо-русские отношения, Английская революция середины XVII в.

SCIENTIFIC LIFE

A. B. Sokolov**Yaroslavl Historian Zinoviyy Roginskiy (1912–1965)**

The life and historical heritage of docent Zinoviyy Roginskiy, historian, who taught at the Department of the World history of Yaroslavl State Pedagogical Institute in 1946–1962, is regarded in this article. Roginskiy is a representative of the generation of historians who came into profession in the second half of 1930-s and in 1940-s. He began his carrier as a worker in Dnepropetrovsk and was sent by Komsomol to study at Moscow Institute of Philosophy, Literature and History, and then at the Department of Middle Ages of Moscow University under the supervision of future Academic E. A. Kosminskiy. He fought the war as an agitator and political instructor from 1941 till the end. He defended his dissertation in 1947. In 1954–1959 he was a dean of the Faculty of foreign languages. Roginskiy left a notable mark in the studies of Anglo-Russian relations at the time of the English revolution of the middle of the XVII century, published several interesting documents and articles, but didn't finish his second dissertation. Being Marxist and propagandist, in his research he developed traditions of Russian positivist historiography and gave the most important place to sources and facts. This article is written in the trend of the new intellectual history; the influence of the time context, the ways of saving the scientific historiography tradition, the relations of patronage among historians, the methods of professional communication, the correlation between «totalitarian consciousness» and scientific creativity are under consideration. Roginskiy died in Ryazan in 1965.

Keywords: Zinoviyy Roginskiy, Soviet historiography, MSU, YSPI, Anglo-Russian relations, the English Revolution of the middle of the XVII c.

Это не чисто историографическая статья, она ближе к быстро развивающейся в современной российской историографии новой интеллектуальной истории. В рамках этого направления уже появилось немало работ по истории отдельных университетов и ученых-историков, помогающих понять, как влиял на них контекст времени, какими

условиями определялось их научное творчество, как поддерживалась научная традиция, выстраивались отношения патронажа и клиентуры, осуществлялась профессиональная коммуникация, как «тоталитарное сознание» влияло на научный дискурс.

Мы в долгу перед теми, кто до нас обучал студентов Ярославского педагогического института. Мы редко и мало рассказываем об этих людях. Они были разными: не все были выдающимися учеными, но некоторые внесли достаточный вклад в свои дисциплины, чтобы спустя десятилетия с уважением вспомнить о них. Не могу сказать точно, чем «зацепил» меня Зиновий Иосифович Рогинский, – я не был его учеником, и его карьера в ЯГПУ прервалась до того, как я стал школьником. Когда я пришел преподавать на кафедру всеобщей истории, что-то услышал от старших коллег. Татьяна Петровна Сотникова рассказывала о нем как о строгом преподавателе, требовавшем от студентов знания многочисленных фактов и дат, составлявших канву средневековой истории. Приступив к занятиям по истории нового времени, я использовал пособия, выпущенные Рогинским, в том числе брошюру «Поездка гонца Герасима Семеновича в Англию в 1645–1646 гг.». Не знаю, было ли так в действительности, но Татьяна Петровна говорила, что древнюю копию «Статейного списка» Дохтурова Рогинскому студент-заочник нашел в одном из городов Костромской области. Тот сумел оценить значение этого документа, который подвиг его к изучению русско-английских отношений. Возможно, я ощущал его своим предшественником на кафедре, так как специализировался на британской истории нового времени, всегда испытывал интерес к Английской революции XVII в. и опубликовал не одну работу, имеющую отношение к этой теме. Еще больше я удивился, когда, оттолкнувшись от чисто

академического интереса, обратился к обстоятельствам его жизни. Фронтовик с героической биографией, прошедший войну с 1941 до 1945 г., имевший семь боевых наград: ордена Отечественной войны I и II степени, орден Красной звезды, медали «За отвагу», «За оборону Москвы», «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией». Блестящий преподаватель, признанный лектор общества «Знание», председатель и член факультетских партийных бюро, в 1954–1959 гг. декан факультета иностранных языков, он был провален на очередных выборах, и вынужден покинуть Ярославль.

Мне не удалось написать о Рогинском в один присест. Когда в 2008 г. мы проводили первую в серии международных конференций «Британия: история, культура, образование», то подготовили для участников стенд с копиями архивных документов, информировавшихся о некоторых выдающихся ученых-историках, в разное время работавших в ЯГПУ. Кажется, там были А. З. Манфред, В. М. Лавровский, В. М. Далин, точно Рогинский, менее известный, чем его именитые коллеги. После этой конференции давно вызревавшее желание узнать о нем больше побудило выступить с сообщением о нем в Институте всеобщей истории РАН. До этого я побеседовал с Марией Марковной Ягнетинской, которая была заместителем Рогинского в его бытность деканом факультета, и Лидией Константиновной Шереметьевой, которая, как и ее подруга Т. П. Сотникова, была студенткой Зиновия Иосифовича. Признаюсь честно: задуманные полновесные интервью проведены не были, в чем целиком моя вина. Поэтому в памяти остались лишь некоторые детали: Мария Марковна поведала, что после увольнения Рогинский «уехал, кажется, в Рязань», а Лидии Константиновне запомнилось, что он был «душой» всех институтских праздников, самым привлекательным и галантным кавалером. Не уверен, что ею были сказаны именно эти слова, но смысл передаю правильно. Доклад в ИВИ (вызвавший, кстати, интерес и некоторое удивление, ведь я был единственным, кто выступал об историке, не входившем, что называется, в «первую обойму») остался в моем компьютере в папке «Незавершенное».

Теперь, наконец, пришло время написать о Зиновии Иосифовиче, что, простите за пафос, долг благодарности поколению настоящих ветеранов, бойцов Великой Отечественной, уже почти полностью ушедшему, но оставшемуся в памяти. Они гибли молодыми и умирали от последствий ранений, физических и душевных, совсем не «дедами», которых теперь благодарят за победу. Кроме того, этот текст – напоминание о том, что есть не только парадная история ЯГПУ с официальными изданиями (типа «Ректоры ЯГПУ», «Профессора ЯГПУ») и краткими справками, кто и когда работал. Это повествование об Историке, для которого изучение истории было ответственным и несуетным делом.

Наверное, как любому исследователю, ему был безразличен формальный результат, но в основе всего лежала тщательная скрупулезная работа с источниками, традиция которой восходила к дореволюционному времени. З. И. Рогинский умер в 52 г. Историки, как правило, формируются долго. Проживи он еще лет пятнадцать-двадцать, вполне мог войти в ту самую «первую обойму».

Начну с напоминания об одной из самых блестящих монографий, написанных в советское время, – книге Бориса Федоровича Поршнева «Франция, Английская революция и европейская политика в середине XVII в.» [3]. В ней тогда уже покойный Рогинский упомянут одиннадцать раз: больше, чем любой другой современный историк, причем, только три из одиннадцати – «чистые сноски», в других случаях имеются комментарии в тексте. Поршнев несколько раз высказал сожаление, что докторская диссертация Рогинского «Русско-английские отношения во время английской революции XVII в.» не была завершена и опубликована. Он отмечал, что сам рекомендовал эту тему З. И. и консультировал его, более того, ниже он вообще назвал себя руководителем этой работы. Поршнев ссылался на публикации документов, осуществленные Рогинским, в том числе «Статейный список гонца Герасимова Дохтурова» [7]. Поршнев выступил его ответственным редактором. Другие отмеченные маститым московским ученым публикации – «любопытнейшее» описание Лондона в 1645–1646 гг. [4] и «Так называемый «Протест царя Алексея Михайловича по поводу казни Карла I» на английском языке и в русском переводе [8]. Поршнев не только сожалел, что диссертация «безвременно скончавшегося» Рогинского не вышла в свет, но и подчеркивал его заслуги: «Как доказал Рогинский, не их (то есть миссии Дохтурова) сведения были причиной лишения английских купцов исключительных привилегий» [3, с. 251]; «исследования Рогинского показали всю наивность и неосведомленность мнений историков о “наивности и неосведомленности” русского правительства в отношении событий Английской революции» [3, с. 254]; «Рогинский убедительно показал, что это не просто фальшивка, а своего рода вольное изложение кем-то из миссии лорда Коллпера позиции Московского двора» [3, с. 257]; «Рогинский правильно подчеркнул дипломатическую задачу Придо» [3, с. 258]; «вслед за Рогинским я готов считать этот отрывок подлинным» [3, с. 259].

Такие оценки самого блестящего среди историков полемиста Поршнева говорят о многом. Стоит добавить, что Рогинского консультировал и другой известнейший историк, его учитель и руководитель в аспирантуре МГУ академик Евгений Алексеевич Косминский. Во всяком случае, публикуя «Протест царя Алексея Михайловича», Рогинский указал: «Копия этого документа была получена нами из

Англии благодаря любезному содействию академика Косминского» [8, с. 290]. Видимо, после смерти Косминского в 1959 г. фактическим руководителем готовившейся докторской диссертации Рогинского стал Поршнев.

Что мы знаем о Рогинском? Сохранившееся в архиве его личное дело сообщает следующее: родился в 1912 г. в Днепропетровске, в семье инженера (техно-рука кирпичных заводов, сообщила автобиография 1955 г.). В 1926 г. после окончания средней школы пошел по стопам отца, стал рабочим-кирпичником, «подсыпщиком на гофманских печах по обжигу кирпича». В 1929 г. вступил в комсомол. В 1930 г. с горячей работы ушел по состоянию здоровья, год проработал плотником на стройке. По рекомендации комсомола прибыл на учебу в Москву, в 1931 г. стал студентом МИФЛИ (Московский институт философии, литературы, истории) имени Н. Г. Чернышевского, который закончил в 1937 г. Учеба была прервана в 1933–1935 гг., когда Рогинского направили редактором «политотдельской» газеты «За большевистский совхоз» в Восточно-Казахстанскую область. МИФЛИ был создан в 1931 г. на базе МГУ как «кузница» гуманитарных кадров (З. И. был, следовательно, в первом наборе), в нем преподавали многие видные историки и организаторы исторического образования, в том числе Е. А. Косминский, С. Д. Сказкин и И. С. Галкин (в будущем ректор МГУ), имена которых встречаются в личном деле Рогинского. Выпускниками МИФЛИ были многие известные историки и литературоведы. Любопытно, что одновременно с Рогинским этот вуз закончил известный историк П. А. Зайончковский. В автобиографии З. И. отмечал, что публиковался в те годы в журналах «Молодой большевик», «Пролетарская революция», газете «Комсомольская правда». Параллельно с учебой в МИФЛИ З. И. преподавал в течение года всеобщую историю и историю партии во Всесоюзном машиностроительском техникуме и в течение двух лет – всеобщую историю в нескольких театральном вузах. Не стоит удивляться, что только в автобиографии, составленной в 1962 г. в Рязанском пединституте, он конкретно назвал одно из них: театральное училище им. В. Э. Мейерхольда [1, л. 4].

Интерес к этой сфере и характер полученного образования отразился на публикациях Рогинского: на страницах ярославской прессы, в частности в газете «Северный рабочий», он не раз публиковал материалы о великих деятелях мировой истории и культуры. В характеристике-рекомендации к поездке в Чехословакию, составленной в 1958 г., отмечалось, что З. И. опубликовал более десяти научно-популярных статей, в том числе об Аристофане, Сервантесе, Гейне, Рембрандте, Гарибальди, Гете и др. [2, л. 51]. МИФЛИ прекратил существование в ноябре 1941 г., будучи слит с МГУ. Из личного дела Рогинского следует: в бытность студентом, в 1931–1938 гг., он вел «пропагандистскую работу», а в

1936–1938 гг. являлся инструктором Фрунзенского РК ВЛКСМ и МК по пропаганде. Любопытно, что эти сведения о комсомольской работе приведены им в автобиографии, написанной при поступлении на работу в ЯГПИ в 1941 г., но отсутствуют в более поздних автобиографиях. В 1940 г. Рогинский стал кандидатом в члены ВКП(б).

Получив диплом с отличием, Рогинский был оставлен в аспирантуре кафедры Средних веков МГУ, работал под руководством Косминского над диссертацией «Ульрих фон Гуттен и его борьба с Римом». Он сдал кандидатские испытания, написал «значительную часть» диссертации, но завершить и защитить ее не успел – «этому помешала сначала болезнь, а затем война». Обучаясь в аспирантуре, Рогинский начал преподавательскую деятельность в вузах: два года преподавал «наездами» в Витебском педагогическом институте, один год – в Кировском, в начале 1941 г. читал курс Средних веков в Ярославском пединституте. При поступлении на работу в ЯГПИ он представил несколько справок. Справка из Чувашского института повышения квалификации кадров народного образования от 1 августа 1937 г. свидетельствует: с 5 июля по 2 августа этого года он в качестве преподавателя истории Средних веков провел занятия для учителей-экстернов и на курсах усовершенствования учителей средних школ по отделению «История» в объеме 100 часов лекций и 33 часов зачетов. «К своим обязанностям т. Рогинский относился добросовестно, работой его слушатели остались удовлетворенными, что и удостоверяется». Интересно, что об этом эпизоде своей биографии З. И. в дальнейшем не писал (возможно, в силу его краткости). В Витебске Рогинский работал в течение двух лет, с октября 1937 по июль 1939 г., и «проявил себя как квалифицированный научный работник, хорошо знающий читаемый им курс. Лекции его характеризуются высоким теоретическим уровнем и умелым методическим построением их. Своими лекциями и практическими занятиями тов. Рогинский сумел заинтересовать студентов и привить им любовь к истории. Институт со своей стороны вполне доволен его работой и выносит ему благодарность». Из Кировского пединститута Рогинский представил две справки. Справка от 17 января 1940 г. свидетельствует, что его приглашали для чтения лекций по Средним векам для заочников в срок с 30 декабря 1939 г. по 11 января 1940 г., что он сделал «с большим умением, на высокой научной основе», «мобилизовал студентов на усиленную подготовку к экзаменам. Учителя-заочники дали о лекциях тов. Рогинского хорошую оценку и охотно посещали его лекции и консультации». Справка от 27 мая 1940 г. подтверждает, что в течение 1939/1940 уч. г. он работал внештатным преподавателем истории Средних веков, «периодически приезжая из Москвы для чтения этого курса». За это время проявил себя

«хорошим товарищем, растущим молодым работником». Тогда Рогинский представил в ЯГПИ рекомендацию члена-корреспондента АН СССР Е. А. Косминского: «В течение 10 лет работал под моим руководством (то есть со времени открытия МИФЛИ. – А. С.) и хорошо известен мне как способный работник, хороший лектор с большими организаторскими данными и дельный преподаватель». По мнению Косминского, для завершения диссертации З. И. нужно 1–1,5–2 месяца работы в московских книгохранилищах.

В 1941 г. пребывание Рогинского в ЯГПИ было кратким. В автобиографии он писал, что читал здесь курс Средних веков весной 1941 г., но последние три месяца перед войной, то есть не позднее, чем с апреля, работал уже в Челябинском пединституте. Обстоятельства переезда в Челябинск в имеющихся в моем распоряжении документах не просматриваются, но мы знаем совершенно точно, что именно в Челябинске Рогинский был призван в армию и оставил там семью: жену с ее родителями. В автобиографии, составленной в 1955 г., З. И. отмечал, что на его иждивении находятся жена и сын Виктор, школьник VI класса, который, судя по анкете, заполненной им в Рязани в 1962 г., родился в 1943 г. Когда в конце 1945 г. Рогинский получил направление Наркомпроса на работу в Ярославль, ему был разрешен заезд в Челябинск за семьей, состоявшей из жены Софьи Михайловны, ее родителей и трехлетнего сына Виктора [2, л. 9]. В рязанской анкете упомянута дочь Ирина, родившаяся в 1956 г. Обстоятельства призыва в 1941 г. подтверждаются выставленным на сайте «Память народа» наградным листом Рогинского 1943 г., в котором отмечается, что он призывался Кировским РВК г. Челябинска, и указан его челябинский адрес.

С июля 1941 г. Рогинский состоит на военной службе. Данные на этот счет, которые можно извлечь из личного дела, довольно скупы. Однако, к счастью, они могут быть дополнены информацией, имеющейся в открытом доступе в интернете. В сентябре 1941 г., обучаясь на Военно-политических курсах при Академии РККА, стал членом ВКП(б). В качестве политработника прошел всю войну. С декабря 1941 г., со времени Московского сражения до окончания войны непрерывно находился на фронте, в декабре 1942 г. был ранен и получил контузию. Первым соединением, в котором воевал Рогинский, была 20 отдельная стрелковая бригада, формировавшаяся из курсантов военных училищ, полковых школ, политбойцов и военнослужащих, оправившихся после ранений. Хотя нет документальных подтверждений, предполагается, что она сражалась под Москвой с 6 по 28 декабря 1941 г. в составе Западного фронта. Косвенно это подтверждается тем, что ряд лиц, воевавших в ее составе, был награжден медалью «За оборону Москвы». Среди них Рогинский, получивший эту награду в 1944 г.! 28–30 декабря бригада бы-

ла дислоцирована на Северо-Западный фронт, вошла в состав 53 армии и уже в январе участвовала в боях в районе озера Селигер. По-видимому, Рогинский участвовал в кровопролитной Демянской наступательной операции, завершившейся тем, что противник оказался в «котле». Развить успех не удалось: немцы прорвали блокаду в апреле 1942 г. Кроме Западного и Северо-Западного фронтов, Рогинский участвовал в военных действиях на Калининском, Брянском, I, II, III Белорусском фронтах. Он сражался в составе 11 армии (в должности старшего инструктора политотдела), 53 стрелкового корпуса (агитатор), 48 армии (агитатор политотдела специальных частей). Закончил службу в звании майора и агитатора политотдела спецвойск 48 Армии. В личном деле эти сведения представлены весьма лаконично. Только в заявлении о расширении жилплощади, написанном в 1956 г., он сослался на то, что приехал в ЯГПУ «сразу же после демобилизации из Советской армии» и добавлял: «... остро нуждаюсь в изолированной квартире, ибо привезенная с фронта болезнь – истощение нервной системы не только не ослабела, но и усилилась в последние годы» [2, л. 44].

Эти формальные сведения об участии в войне дополняет опубликованный в интернете наградной лист капитана Рогинского от 3 октября 1943 г. при представлении его к ордену «Красной Звезды». В нем указывалось участие в сражении под Москвой в декабре 1941 г. и служба на Северо-Западном фронте. Приведу текст полностью: «Товарищ Рогинский, в период наступления постоянно находясь в частях корпуса, показал себя отважным, энергичным, решительным политработником и пламенным агитатором, заслужившим любовь и авторитет среди бойцов и командиров. В боях непосредственно на передовой им проведены десятки бесед для бойцов, а, используя короткие передышки между боями, он в течение июля – августа прочитал ряд докладов для офицеров. Горячим большевистским словом и личным примером он воодушевляет бойцов и командиров. Так, в июле, будучи в 862 о. п. 197 о. д., он совместно с партагитаппаратом отлично организовал работу агитаторов, выдвинул некоторые новые интересные организационные формы работы. Например, короткую полковую листовку, и всей системой партийно-политической работы обеспечил высокий наступательный порыв бойцов. В трудные моменты боя он организовывал командиров и политработников полка, шел в боевые порядки и вел за собой вперед. Так было, например, в бою за деревни Мокрый Верх и Котуновка. Достоин правительственной награды ордена «Красная Звезда». 3 октября 1943 г. Начальник политотдела 53 с. к. полковник Шеховцов» [13].

Рогинский был демобилизован в звании майора в декабре 1945 г. и с января 1946 г. по приказу Наркомпроса приступил к работе в ЯГПУ. Им была представлена новая рекомендация

Е. А. Косминского, в которой говорилось о его «живом интересе к научным вопросам и большой активности». Косминский назвал его «боевым историком-марксистом», утверждал, что диссертация Рогинского «является в настоящее время весьма актуальной в виду (так в тексте. – А. С.) не раз провозглашавшейся руководящими органами нашей науки необходимости пристального изучения и пересмотра истории Германии, подвергшейся фальсификации со стороны националистических и особенно фашистских немецких историков». Он полагал, что диссертация (она называлась теперь «Гуттен и Рим») будет закончена в течение 4–6 месяцев [2, л. 10]. Действительно, защита не заставила себя ждать. Она состоялась 12 марта 1947 г., на заседании Ученого (так. – А. С.) совета истфака МГУ, оппонентами были известные медиеведы Фаина Абрамовна Коган-Бернштейн и Моисей Менделевич Смирин. Коган-Бернштейн преподавала в МИФЛИ в 1934–1935 гг., когда Рогинский находился в Казахстане, она стала доктором наук в 1943 г. и работала в МГУ. В 1949 г., во время кампании по борьбе с космополитизмом, была вынуждена перебраться в Воронеж и вернулась в Москву во времена Хрущева, работала в Историко-архивном институте. Смирин, защитивший докторскую в 1946 г., был, как и Рогинский, учеником Косминского, работал в МГУ, в отличие от Коган-Бернштейн, занимавшейся в основном Францией, специализировался на истории Германии того периода. 5 мая решение совета факультета утвердил Совет МГУ им. М. В. Ломоносова. Результаты голосования: за – 28; недействительных бюллетеней – 1.

Сразу после защиты, уже 26 марта, Ученый совет ЯГПИ ходатайствовал перед ВАК о присуждении Рогинскому звания доцента. В списке научных трудов указывались статьи «Первая и вторая тетради хронологических записок К. Маркса» (ж. «Пролетарская революция», № 1 за 1940 г.), «Против фашистской фальсификации истории» (ж. «Молодой большевик», № 9 за 1939 г.), «О роли народных масс в истории» (ж. «Молодой большевик», № 9 за 1940 г.). Кроме того, он издан брошюру «Указатель художественной литературы к курсу истории средних веков». 27 декабря 1947 г. ВАК утвердил Рогинского в звании доцента. Как видим, довоенные публикации Рогинского носили пропагандистский характер. Для выбора Темы потребовалось несколько лет. Во всяком случае, в начале 1949 г., когда З. И. делал отчет о научных командировках в 1948 г., об Английской революции речи не шло. Он собрал материалы по истории средневековой культуры, проконсультировался с академиками Косминским и Сказкиным «по вопросам, связанным с работой на тему по использованию “Хронологических выписок” Маркса». Как свидетельствует его личное дело, З. И. всерьез приступил к изучению Английской революции середины XVII в. – темы, работа над которой позволила ему занять место в историографии, не позд-

нее 1951 г. 26 октября он написал заявление на имя ректора Н. Г. Чванкина с просьбой разрешить работать в Центральном Государственном Архиве Древних Актов (ЦГАДА) по истории англо-русских отношений в период революции, а накануне заполнил анкету формы Ш ТУ (? – неразборчиво. – А. С.), самую подробную из всех имеющихся в личном деле, наиболее информативную относительно его семейного положения. В характеристике, выданной Рогинскому в 1951 г., видимо, в связи с оформлением допуска в архив, имеется упоминание о том, что он «повышает свой теоретический уровень, изучает труды И. В. Сталина по вопросам исторического материализма».

Доступ в архивы и порядок работы с документами подлежал строгому контролю независимо от временной отдаленности эпохи, которая интересовала исследователя. Эта система пережила советское время, с ней не понаслышке знакомы историки моего поколения. Выписки из документов подлежали проверке и высылались по адресу организации, направившей исследователя в архив. Эти сложности коснулись Рогинского в полной мере и наверняка были одной из причин того, что работа над докторской диссертацией шла медленно. Во всяком случае, в октябре 1957 г. на заседании кафедры всеобщей истории З. И. доложил о намерении до конца учебного года завершить подготовку к печати статейного списка Дохтурова и приступить к написанию главы заявленной монографии. Доцент М. И. Фриман сказал: «На научной конференции Рогинский впервые выступил с научным докладом. Доклад понравился. Рогинский проявляет медлительность в оформлении своей работы». В июне 1952 г. ректор В. С. Филатов подписал гарантийное письмо, что «сведения, составляющие государственную тайну, доцентом Рагинским (так в тексте. – А. С.) Зиновием Иосифовичем не будут опубликованы ни в печати, ни по радио без санкции архива» [2, л. 55]. Выписки З. И. были высланы в ЯГПИ в августе 1952 г. (3 тетради на 45 листах) и в мае 1953 г. (3 тетради на 46 листах). Любопытно, что 30 марта 1960 г. из ЦГАДА в ЯГПИ было направлено извещение на имя начальника ОК т. В. В. Апполонской (так в документе. – А. С.), что высланные в мае 1953 г. выписки Рогинского подлежат рассекречиванию. З. И. неоднократно выезжал в Москву (в том числе, в 1956, 1958 гг.). Например, в 1958 г. он просил командировку в Москву на 20–22 февраля для наведения справок в архиве и получения консультаций в Институте истории АН СССР. При этом он пояснял, что студенты иныаза на стипендию назначены, а лекции на истфиле начинаются только 25 февраля.

С 1954 по 1959 г. Рогинский был деканом факультета иностранных языков, был утвержден в этой должности Главным управлением подготовки учителей Министерства просвещения РСФСР в марте 1954 г. В октябре 1957 г. он был вновь утвержден

министерством в этой должности одновременно с Н. И. Резвым, В. Н. Вьюциным и т. Зенчук. Интересно, что в те годы министерство утверждало не только деканов, но и их заместителей и не всегда соглашалось с предложенными кандидатурами. Так, не было рекомендовано «возлагать на т. Дрябина исполнение обязанностей заведующего кафедрой и заместителя декана». Кажется, Рогинский не особо стремился к продвижению по административной или партийной линии, хотя входил в партбюро историко-филологического факультета, отвечая, как правило, за студенческую научную работу. Характер у него, видимо, был эмоциональный, если не сказать, взрывной. Когда он нервничал, сказывались последствия ранения – у него дергалась шея. Чего стоит такая докладная записка: «В связи с тем, что факультет иностранных языков работает в две смены с 8 ч. утра и до 9 ч. вечера и условия размещения студентов во втором учебном здании чрезвычайно трудны, прошу за лаборанткой кафедры немецкого языка И. Б. Минаковой, оказывающей мне помощь по деканату, оставить ½ лаборантской ставки. В противном случае прошу Вас освободить меня от обязанностей декана факультета». И виза руководителя: «В приказ. Освободить от работы декана факультета по личному заявлению» [2, л. 68–69]. Заявление подписано 15 июля 1959 г., от деканских обязанностей освобожден с 1 сентября.

Рогинский продолжал преподавать на кафедре всеобщей истории. В отчете за 1961/1962 уч. г. он указывал, что провел 723 часа, на 13 часов больше спланированной нагрузки. Нагрузка на дневном отделении составила 358 часов, в том числе 102 лекций по истории Средних веков, 58 часов на литературном отделении, практических занятий соответственно 68 и 20. Руководил курсовыми работами на втором курсе (6 человек, 18 часов), на третьем курсе (4 человека, 12 часов), педагогической практикой (5 студентов, 40 часов), «длительной практикой» на 5 курсе (4 студента, 40 часов). Провел 26 часов консультаций, 16 часов зачетов и экзаменов. Остальные часы пришлось на заочное отделение. До мая 1962 г. в течение двух лет был секретарем партийной организации историко-филологического факультета. Активно участвовал в деятельности «Общества по распространению политических и научных знаний» (созданное в 1947 г., оно было переименовано во Всесоюзное общество «Знание» в 1963 г.).

З. И. был председателем бюро исторической секции его Ярославского отделения, стал членом созданного в 1959 г. по инициативе зятя Хрущева Алексея Аджубея Союза журналистов [1, л. 5]. В феврале 1962 г. в «Северном рабочем» Рогинским была опубликована одна из статей культурно-просветительской тематики «Чарльз Диккенс» [10]. Конечно, с нынешней точки зрения, эта заметка политически ангажирована. Как положено, советская пресса, в первую очередь, реализовывала про-

пагандистскую функцию. Поэтому сообщение о произведениях Диккенса изобилует «дежурными» штампами – разоблачением капитализма и «не доброй, а злой и жестокой» буржуазной Англии, в которой «богатела буржуазия и столь же быстро росли острейшие классовые противоречия», царили «бесчеловечная эксплуатация и жуткая нищета народных масс». Заметка формирует образ английской буржуазии, отличительными чертами которой были «самоуверенность и в то же время абсолютная бесчеловечность». Досталось и Америке. В связи с посещением Диккенсом США Рогинский сообщал о «растленных нравах американской прессы, бесчеловечном обращении с неграми, вопиющих социальных контрастах, отсутствии подлинной свободы, продажности депутатов, демагогии политических деятелей, циничном духе торгашества и культе доллара». В то же время такого рода публикации реализовывали и другую функцию – культурно-просветительскую, позволявшую читателям хотя бы в таком виде расширять знания о мировой культуре. С моей точки зрения, в советской историографии присутствовал феномен «раздвоенного сознания», при котором язык тоталитаризма и холодной войны «сосуществовал» (разумеется, только у историков, не сводивших задачи своей деятельности исключительно к пропаганде) со стремлением сохранить традиции российской науки.

В 1962 г., несмотря на заслуги в преподавании и партийно-пропагандистской работе, звание «Отличник народного просвещения», полученное в 1958 г., успехи в научной работе (в 1959 и 1960 гг. были опубликованы долгожданные сборники с его комментариями и статьями), Рогинский был провален на выборах на очередной срок работы и уволен. О причинах неизбрания судить сложно – имеющиеся в личном деле характеристики сугубо положительные, взысканий у Рогинского не было. Чтобы организовать голосование против Рогинского, кому-то надо было потрудиться. Сыграла ли роль национальность? Вряд ли главную роль – кампания по преследованию «безродных космополитов» ушла в прошлое и на кафедре всеобщей истории, по меньшей мере, половина преподавателей были евреями. По мнению современного историографа, и на рубеже 1940–1950-х гг. было трудно наверняка предугадать, кого коснется волна репрессий. Многие историки-евреи вынужденно покинули Москву и Ленинград или были арестованы, но репрессиям подверглись и другие [12, с. 384].

В адрес патрона Рогинского Е. А. Косминского звучали обвинения в буржуазном объективизме и космополитизме, и он был вынужден отказаться от заведования кафедрой. В провинции, возможно, положение преподавателей-евреев не было таким острым, как в столице. О каком-то давлении на З. И. в те годы мне не известно. По документам можно понять, что в 1956 г. Рогинский мог иметь

если не конфликт, то обостренные отношения с группой преподавателей, так как претендовал на расширение жилплощади в общежитии. Еще в 1954 г., став деканом иныза, он добился от ректора Филатова направления в Ярославский горсовет ходатайства о выделении жилплощади, из горсовета ходатайство ушло в Кировский районный совет [2, л. 37]. Видимо, просьба удовлетворена не была, и в 1956 г. Рогинский ходатайствовал перед ректором А. С. Гвоздаревым о выделении освобождавшейся после ремонта комнаты в жилом отсеке общежития, где он уже занимал две комнаты. В этом заявлении он ссылаясь на привезенную с фронта болезнь. Он писал, что имел на комнату «не меньшее право и необходимость, чем товарищи Зенчук, Скопец, Генкин, Кашенко, занимающие не меньшую по размерам и конфигурации площадь» [2, л. 44]. На заявлении стояла резолюция «Удовлетворить». Именно и. о. ректора Зенчук, с которой у Рогинского могли быть неприязненные отношения по поводу жилплощади, подписала приказ об увольнении 10 июля 1962 г. На приказе есть подпись Рогинского, подтверждающая, что он ознакомлен с ним [2, л. 72, 74]. Из общежития Рогинский, получив служебное жилье, переехал по адресу ул. Чайковского, д. 2в, кв. 24. Именно эту квартиру он сдал после увольнения, 20 октября 1962 г.

Вряд ли приходится сомневаться, что допущенная по отношению к нему очевидная несправедливость, как и военные ранения, ускорили его безвременную смерть. После увольнения из ЯГПИ З. И. был принят на должность доцента кафедры всеобщей истории Рязанского пединститута с 27 июля 1962 г., но работал недолго. Он умер, видимо, в начале 1965 г., приказ об увольнении вышел 3 февраля 1965 г. Был похоронен на Скорбященском кладбище Рязани. К сожалению, уже в нашем веке 24 захоронения были разрушены и подвергнуты надругательствам, как говорили в городе, сатанистов. Среди них могила З. И. Автор публикации в интернете справедливо задавал вопрос: «Чем не устроил этих вырожденцев весьма скромный памятник, установленный на могиле историка Зиновия Иосифовича Рогинского, к тому же участника Великой Отечественной войны?» [14].

Впервые я обратился к трудам Рогинского по истории русско-английских отношений в эпоху революции более четверти века назад, когда писал книгу по истории англо-русских отношений в XVI–XVIII вв. [11]. Теперь я посмотрел на них иным взглядом – благодаря накопленному профессиональному опыту и новым представлениям нашего времени. Посмотрел – и удивился: его труды не совсем вписываются в привычное представление о советской марксистской историографии 1950-х гг. В трех публикациях Рогинского [4, 7, 8] нет ни единой сноски на Маркса, Энгельса или Ленина, ни одной попытки опереться на их «непререкаемый

авторитет». Более того, в этих публикациях вообще отсутствует словосочетание «Английская буржуазная революция» (за исключением ссылки на известный двухтомник, вышедший в 1954 г.). Складывается впечатление: этот марксистский концепт не был необходим историку, стремившемуся к максимально точному отражению фактов и аргументации на основе архивных документов. Поразительный контраст даже с нашим временем, когда многие историки продолжают все использовать эту формулировку, словно не понимая, что тем самым до крайности обедняют картину этого события, сводя ее к единственной марксистской интерпретации. Рискну утверждать: изучение документов привело Рогинского к пониманию, что строгого деления на партии по социальному признаку в Англии 40-х гг. XVII в. не существовало, и это шло вразрез с работами других марксистов его времени. Во всяком случае, он не раз подчеркивал, что, по крайней мере, часть купечества стояла на стороне короля.

Мои суждения по этому поводу могут показаться неубедительными: в ранние годы Рогинский писал публицистические статьи по марксистской тематике, долгие годы сохранял интерес к «Хронологическим выпискам» К. Маркса. Одна из двух посмертно опубликованных работ была специально им посвящена [9]. Однако, во-первых, речь о работах, написанных по истории англо-русских отношений, когда Рогинский сформировался как зрелый историк. Во-вторых, «Хронологические выписки» он рассматривал как историографический источник, а статью подготовил на основе сравнения замечаний Маркса на книгу Ф. Шлоссера, которую тот конспектировал.

Характерной чертой Рогинского-историка был интерес к документу. Впечатляет число фондов ЦГАДА, проработанных З. И.: 35 – Сношения с Англией, 155 – Иностранные ведомости (куранты) и газеты, 96 – Сношения со Швецией, 53 – Сношения с Данией, 141 – Приказные дела и др. Его стилю свойственны и стремление выдвинуть свою, основанную на источниках гипотезу, и доля полемичности (это, возможно, было следствием долгого агитационного опыта). Рогинский «чувствовал» источник. Вот короткая выдержка из работы о «Протесте царя Алексея» – речь идет о предположении, что он составлен роялистами: «В этом нас убеждает все содержание, стиль, терминология документа, его взволнованный, горячий тон, упоминание в нем различных деталей из области внутренней английской жизни, не могущих быть известными московскому правительству, неумеренное восхваление достоинств казненного короля, именуемого “чудом среди христиан и идеалом для язычников” и многое другое» [8, с. 290–291]. В этой публикации Рогинский вступал в спор известнейшим литературоведом Михаилом Павловичем Алексеевым, отдававшим предпочтение версии, что этот документ – де-

ло рук голландцев, желавших вытеснить конкурентов-англичан из России. Заметим попутно, что оспаривание точки зрения маститого ученого, базировавшейся на экономической интерпретации и акцент на стилистических особенностях источника – тоже не вполне стандартный подход для советской марксистской историографии. В статье, опубликованной в «Новой и новейшей истории», присутствует критика А. С. Кана и С. И. Архангельского. Признав «большой интерес англичан к русскому рынку» (еще бы!), Рогинский упрекает Архангельского за то, что «политическая сторона дела» уходит у него «на задний план, да и сами экономические отношения рассматриваются слишком устно» [4, с. 71].

Как видим, Рогинский тяготел к обоснованию своих выводов не общими положениями марксизма (например, о главенстве экономического фактора), а полученными им в ходе исследования фактами. Такой вывод подтверждается современными историографическими трудами, в которых указано: «Приверженность источникам и фактам характеризовала не только ученых, сложившихся в имперский период, но и многих представителей младшего поколения, сформировавшихся как советские историки-марксисты в 1920–30-х гг... Позитивизм был одним из зерен (в симбиозе советской идеологии), но многие советские и дореволюционные историки избегали называть себя позитивистами» [12, с. 380, см. также: с. 387]. Рискну сказать, что Рогинский в его работах по истории англо-русских отношений был в большей степени позитивистом, чем марксистом. Но позитивистом не в худшем, требующим критики (часто справедливой) смысле. Интерес к источнику, приверженность к фактам, нежелание (или неумение) подстраивать выводы к господствующим схемам позволяют считать его продолжателем традиций отечественной историографии, сформировавшихся еще в дореволюционное время.

Библиографический список

1. Архив Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. Дело Рогинского Зиновия Иосифовича. Оп. 2. Связка 42.
2. Архив Ярославского государственного педагогического университета им. К. Д. Ушинского. Ф. Р-2257. Оп. 10. Д. № 144.
3. Поршнев Б. Ф. Франция, Английская революция и европейская политика в середине XVII века [Текст] / Б. Ф. Поршнев. – М. : Наука, 1970.
4. Рогинский, З. И. Из истории англо-русских отношений в период протектората Кромвеля [Текст] / З. И. Рогинский // Новая и новейшая история. – 1958. – № 5.
5. Рогинский, З. И. Лондон в 1645–1646 годов. Новые источники о поездке гонца Герасима Семеновича Дохтурова в Англию [Текст] / З. И. Рогинский. – Ярославль : ЯГПУ, 1960.
6. Рогинский, З. И. Миссия лорда Колпепера в Москву (из истории англо-русских отношений в период англий-

ской буржуазной революции XVII в.) [Текст] / З. И. Рогинский // Международные связи России в XVII–XVIII вв. (Экономика, политика и культура). – М. : Наука, 1966.

7. Рогинский, З. И. Поездка гонца Герасима Семеновича Дохтурова в Англию в 1645–1646 гг. [Текст] / З. И. Рогинский. – Ярославль : ЯГПУ, 1959.

8. Рогинский, З. И. Так называемый «Протест царя Алексея Михайловича по поводу казни короля Карла I» [Текст] / З. И. Рогинский // Ученые записки Ярославского государственного педагогического института, 1957. – Вып. XXII (XXXII). Всеобщая история.

9. Рогинский, З. И. Характеристика исторических личностей в «Хронологических выписках» К. Маркса [Текст] / З. И. Рогинский // История и историки. Историография всеобщей истории: сб. статей. – М. : Наука, 1966.

10. Рогинский, З. И. Чарльз Диккенс. К 150-летию сл дня рождения [Текст] / З. И. Рогинский // Северный рабочий. – 1962. – 7 февраля.

11. Соколов А. Б. Навстречу друг другу. Россия и Англия в XVI–XVIII вв. [Текст] / А. Б. Соколов. – Ярославль : Верхневолжское изд-во, 1992.

12. The Oxford History of Historical Writing. V. 5: Historical Writing since 1945 / Ed. A. Schneider and D. Woolf. Oxford University Press, 2011. Ch.18. P.375–398.

13. <https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek-nagrazhdenie19688499/> Доступ 22.10.2017

14. www.necropol.org/riazan-skorbjasheyskoe.html Доступ 22.10.2017

Bibliograficheskiy spisok

1. Arhiv Rjazanskogo gosudarstvennogo universiteta im. S. A. Esenina. Delo Roginskogo Zinovija Iosifovicha. Op. 2. Svjazka 42.

2. Arhiv Jaroslavskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. K. D. Ushinskogo. F. R-2257. Op. 10. D. № 144.

3. Porshnev B. F. Francija, Anglijskaja revoljucija i evropejskaja politika v seredine XVII veka [Tekst] / B. F. Porshnev. – М. : Nauka, 1970.

4. Roginskij, Z. I. Iz istorii anglo-russkih otnoshenij v period protektorata Kromvelja [Tekst] / Z. I. Roginskij // Novaja i novejschaja istorija. – 1958. – № 5.

5. Roginskij, Z. I. London v 1645–1646 godov. Novye istochniki o poezdke gonca Gerasima Semenovicha Doh-turova v Angliju [Tekst] / Z. I. Roginskij. – Jaroslavl' : JaGPU, 1960.

6. Roginskij, Z. I. Missija lorda Kolpepera v Moskvu (iz istorii anglo-russkih otnoshenij v period anglijskoj burzhuznoj revoljucii XVII v.) [Tekst] / Z. I. Roginskij // Mezhdunarodnye svjazy Rossii v XVII–XVIII vv. (Jekonomika, politika i kul'tura). – М. : Nauka, 1966.

7. Roginskij, Z. I. Pоездка gonca Gerasima Semenovicha Doh-turova v Angliju v 1645–1646 gg. [Tekst] / Z. I. Roginskij. – Jaroslavl' : JaGPU, 1959.

8. Roginskij, Z. I. Tak nazyvaemyj «Protest carja Alekseja Mihajlovicha po povodu kazni korolja Karla I» [Tekst] / Z. I. Roginskij // Uchenye zapiski Jaroslavskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta, 1957. – Vyp. XXII (XXXII). Vseobshhaja istorija.

9. Roginskij, Z. I. Harakteristika istoricheskikh lichnostej v «Hronologicheskikh vypiskah» K. Marksa [Tekst] / Z. I. Roginskij // Istorija i istoriki. Istoriografija vseobshhej istorii : sb. statej. – М. : Nauka, 1966.

10. Roginskij, Z. I. Charl'z Dikpens. K 150-letiju sl dnja rozhdenija [Tekst] / Z. I. Roginskij // Severnyj rabochij. – 1962. – 7 fevralja.

11. Sokolov A. B. Navstrechu drug drugu. Rossija i Anglija v XVI–XVIII vv. [Tekst] / A. B. Sokolov. – Jaroslavl' : Verhnevzhskoe izd-vo, 1992.

12. The Oxford History of Historical Writing. V. 5: Historical Writing since 1945 / Ed. A. Schneider and D. Woolf. Oxford University Press, 2011. Ch.18. P.375–398.

13. <https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek-nagrazhdenie19688499/> Dostup 22.10.2017

14. www.necropol.org/riazan-skorbjasheyskoe.html Dostup 22.10.2017

Reference List

1. Archive of Ryazan state university named after S. A. Esenin. Roginskiy Zinoviy Iosifovich's file. List. 2. Sheaf 42.

2. Archive of Jaroslavl state pedagogical university named after K. D. Ushinsky. V. R-2257. List. 10. № 144.

3. Porshnev B. F. France, the English Revolution and the European policy in the middle of the 17th century. – М. : Nauka, 1970.

4. Roginskij Z. I. From history of the English-Russian relations in the period of Cromwell protectorate // Modern and contemporary history. – 1958. – № 5.

5. Roginskij Z. I. London in 1645–1646. New sources about a trip of missioner Gerasim Semionovich Dokhturov to England. – Jaroslavl : YSPU, 1960.

6. Roginskij Z. I. Mission of Lord Kolpeper to Moscow (from history of the English-Russian relations during the English bourgeois revolution of the 17th century) // International relations of Russia in the 17–18th centuries. (Economy, policy and culture). – М. : Nauka, 1966.

7. Roginskij Z. I. Trip of the missioner Gerasim Semionovich Dokhturov to England in 1645–1646. – Jaroslavl : YSPU, 1959.

8. Roginskij Z. I. So-called «Protest of Tsar Alexey Mikhailovich concerning an execution of the King Charles I» // Scientific notes of Jaroslavl state pedagogical college, 1957. – Issue XXII (XXXII). General history.

9. Roginskij Z. I. The characteristic of historic figures in «Chronological extracts» K. Marx // History and historians. Historiography of general history: collection of articles. – М. : Nauka, 1966.

10. Roginskij Z. I. Charles Dickens. To the 150 anniversary of his birthday // Severny rabochij. – 1962. – February 7.

11. Sokolov A. B. Towards each other. Russia and England in the 16–18th centuries. – Jaroslavl : Verkhnevzhskoe izdatelstvo, 1992.

12. The Oxford History of Historical Writing. V. 5: Historical Writing since 1945 / Ed. A. Schneider and D. Woolf. Oxford University Press, 2011. Ch.18. P.375–398.

13. <https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek-nagrazhdenie19688499/> Access mode 22.10.2017

14. www.necropol.org/riazan-skorbjasheyskoe.html Access mode 22.10.2017